

Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. № 3. С. 73–79.
Scientific search: personality, education, culture. 2024. No. 3. Pp. 73–79.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 351.86:008
ББК 71.0
DOI: 10.54348/SciS.2024.3.13

Конфликтный этос культуры: семиотический дискурс

Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru, ORCID ID: 0000-0002-0948-7965

Аннотация. Формирование нового мирового порядка предполагает поиск адекватного социокультурного ответа, равно как и формирование новой российской идентичности. Одним из «инструментов» обеспечения национальной безопасности является конфликтный этос, задающий когнитивно-семиотические резистентные установки индивидуального и общественного сознания. Теоретическую основу исследования составляет концепция ноосферной безопасности. Объяснительный потенциал категории «конфликтный этос» раскрывается при помощи системного, синергетического и семиологического подходов. Зафиксировано концептуальное место конфликтного этоса в системе культуры. Предложен категориальный анализ понятия этос, выявлена его принципиальная семиотичность. Дано авторское определение категории «конфликтный этос». Определена логическая модель разворачивания конфликтного этоса в индивидуальном и общественном сознании. Проанализирован конфликтный этос кинотекста, представлены его когнитивно-семиотические основания. Установлена специфика конфликтного этоса в кинематографическом дискурсе. Рассмотрены две базовые функции конфликтного этоса в контексте культуры. Сделан вывод о том, что конфликтный этос как способ описания картины мира свидетельствует о возвращении к бинарной модели конструирования культуры и одновременно оказывается отражением экзистенциальности социокультурных противоречий в рамках современной глобальной истории.

Ключевые слова: культура, символический этос, конфликтный этос, компромиссный этос, семиотический детерминизм, кинематограф, Холодная война, энимификация, системный подход, семиотика.

Для цитирования: Смирнов Д.Г. Конфликтный этос культуры: семиотический дискурс // Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. № 3. С. 73–79. <https://doi.org/10.54348/SciS.2024.3.13>

CULTUROLOGY

Original article

The conflicting ethos of culture: semiotic discourse

Dmitry. G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, smirnovdg@ivanovo.ac.ru, ORCID ID: 0000-0002-0948-7965

Abstract. The formation of a new world order presupposes the search for an adequate sociocultural response, as well as the formation of a new Russian identity. One of the “tools” for ensuring national security is a conflict ethos, which sets cognitive-semiotic resistant attitudes of individual and public consciousness. The theoretical basis of the study is the concept of noospheric security. The explanatory potential of the category “conflict ethos” is revealed using systemic, synergetic and semiological approaches. The conceptual place of the conflict ethos in the cultural system is recorded. A categorical

analysis of the concept of ethos is proposed, and its fundamental semiotic nature is revealed. The author's definition of the category "conflict ethos" is given. A logical model of the unfolding of the conflict ethos in individual and public consciousness is defined. The conflicting ethos of the film text is analyzed and its cognitive-semiotic foundations are presented. The specificity of the conflict ethos in cinematic discourse has been established. Two basic functions of the conflict ethos in the context of culture are considered. It is concluded that the conflict ethos as a way of describing the picture of the world indicates a return to the binary model of constructing culture and, at the same time, turns out to be a reflection of the existentiality of sociocultural contradictions within the framework of modern global history.

Keywords: culture, symbolic ethos, conflict ethos, compromise ethos, semiotic determinism, cinema, Cold War, enmification, systems approach, semiotics.

For citation: Smirnov D.G. The conflicting ethos of culture: semiotic discourse. *Nauchnyj poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura = Scientific search: personality, education, culture*. 2024. No. 3. Pp. 73–79. (In Russ). <https://doi.org/10.54348/SciS.2024.3.13>

Актуальность. Новый мировой порядок, постепенно формировавшийся в течение последних десяти лет, стал реальностью. Философия полицентричного мира (а именно так назывался последний, запланированный на 2020 год и состоявшийся лишь в 2022 году, философский конгресс) постепенно отступает на, уже казалось бы пройденные, позиции бинарного миропостроения.

Релевантные для нашего дискурса государственные документы – Стратегия национальной безопасности РФ (указ Президента РФ от 02 июля 2021 года № 400), Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2020 года), Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» – содержательно фиксируют момент контрадикторности не столько в (гео)политическом, сколько в мировоззренческом, идеологическом, целеценностном, цивилизационном аспектах.

Конструируемый дискурс защиты «традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов» составляет пространство так называемой ноосферной безопасности [Смирнов, 2021]. Последняя, в контексте парадигмы «качественного понимания вещей», предстает как системообразующее свойство или системообразующее отношение, реализуемое на субстрате конкретного общества / государства. Содержательно ноосферная безопасность предполагает установку на сохранение разнообразия культурно-антропологических практик с учетом их всечеловеческого целеценностного потенциала.

Обеспечение безопасности культуры / общества / государства всегда связано к конструированием определённой модели поведения, основанной для оппозиции «Свой–Чужой». Такой подход лучше всего подходит для целей форми-

рования / мобилизации идентичности. В этическом дискурсе наиболее адекватной сложностям нового мирового порядка парадигмой следует признать концепцию конфликтного этоса.

Цель исследования заключается в определении объяснительного потенциала категории «конфликтный этос» для описания этологии современного глобального социума. **Гипотеза исследования:** концепция конфликтного этоса, опрокинутая в «деятельностные» сферы культуры, позволяет эффективно формировать устойчивый ценностный и поведенческий ответ на вызовы деструктивной(ых) идеологии(й).

Методология. Теоретической базой работы выступает концепция ноосферной безопасности, фокус внимания которой сосредоточен на пересечении когнитивных и семиотических моментов. Фундированность исследования обеспечивается соединением системного, синергетического и семиологического подходов. **Системный подход** позволяет рассматривать значимые тексты культуры на трех уровнях – субстратном (уровне элементов), структурном (уровне отношений) и концептуальном (уровне системообразующего свойства). (При этом, думается, именно с этой – «системной» – позиции лучше всего производить анализ ценностей – ценностей-вещей, ценностей-отношений и ценностей-свойств.) Значение **синергетического подхода** заключается в том, что он позволяет зафиксировать факторы самоорганизации системы ценностей и поведенческих паттернов. (Эффект «направления» в противовес «управлению», на который в свое время обратил внимание в педагогической плоскости академик Н. Н. Моисеев, позволяет смягчить целеценностный поворот для школьников и студенческой молодежи.) **Семиологический подход** помогает «конкретизировать» операциональность отдельных знаков в текстах культуры – сигналов, (иконических) знаков, символов, метафор и т.п. (Определение продуктивности «знакования» ценностных установок и мораль-

но-нравственных принципов обеспечивает «быстрый» мировоззренческий эффект.)

Анализ результатов исследования. Культура как единство художественного, мифологического, религиозного, философского и научного способов конструирования мира всегда ориентирована на определенную этологию, на определенный этос. Современная мировая культура все более тяготеет к формированию «категорических» этологий, отражающих присущую человеческому сознанию бинарность миропостроения. Ориентация на простые (черно-белые) модели через призму «свой – чужой» оказывается более востребованной массовой культурой, нежели «полутональные» полифонические модели социального устройства.

Этос: категориальный анализ. Именно поэтому язык описания культуры и глобального социума обогащается категорическими понятиями, релевантными современной социокультурной динамике. Одним из таких понятий, адекватно выражающих бинарность культуры, становится «конфликтный этос». Заметим, что, несмотря на давнюю «историю» самого термина, его включенность в антропологический и философский дискурс относительно невелика.

В принятой нами системе референций этос рассматривается как «совокупность морально-этических качеств, которые интегрированы в непосредственные экзистенциальные практики индивидов, в структуры их бытия-в-мире» [Павлов, 2017, с. 17]. Важно подчеркнуть, что этос есть не только «теоретическая» конструкция; это с необходимостью мотивированное поведение, «обусловленное морально-этическими, эстетическими, религиозными, политическими и правовыми факторами» [Сабилов, 2016, с. 232-233]. Сущностным качеством этоса является его принципиальная – формальная и содержательная – символичность. В этом смысле этос есть всегда символический этос.

В данном контексте следует вспомнить и о двойственной – реально-должной и идеально-должной – деонтологической природе этоса [Бакштановский, Согомонов, 2001; ср. Яркеев, 2016]. Действительно, этос, отображенный, зафиксированный в артефактах культуры (искусства), с одной стороны, есть кейс реальной антропологической практики, а с другой, – образец (парадигма) индивидуального / коллективного поведения. В контексте культуры понимаемый таким образом этос стал «оформлять собой социальное воображение широких слоев, и затем, постепенно, целых обществ» [Taylor, 2004, p. 1]. Так символический этос обретает (помимо собственно культурного) социокуль-

турное, политическое измерение, становясь инструментом легитимации / делигитимации и конструирования идентичности.

Конфликтный этос: проблема дефиниции. Культура наглядно показывает, что исторически этология дрейфует между двумя методологическими парадигмами – дуалистической и плюралистической. Плюралистическая этология характерна для периодов устойчивого социального гомеостаза, дуалистическая этология свойственна периодам социальной (в том числе и геополитической) конфронтации. Изменение глобального миропорядка, свидетелями которого мы стали в последнее время, повернуло от «мирного (компромиссного) этоса» к «конфликтному этосу».

Новая Холодная война в своей сути является неразрешимым конфликтом. Периоды «разрядки» и «пере(за)грузки» убедительно демонстрируют перманентность «цивилизационного» противостояния, не допускающего нахождения консенсуса при сохранении жизнеспособности участников конфликта. Конфликтный этос в первом приближении предстает как «относительно стабильное мировоззрение, которое задает концептуальные рамки, позволяющие организовывать и осмысливать длительный контекст конфликта и действовать в направлении его сохранения или изменения в соответствии с этой точкой зрения» [Bar-Tal, Sharvit, Halperin, Zafran, 2012, p. 42]. В российском дискурсе, во многом основывающемся на рассмотренной выше позиции, конфликтный этос определяется как комплекс ценностей, мотивов и эвристик, побуждающий человека к конфликтному действию, т.е. действию, ведущему к занятию позиции, несовместимой и противоположной по отношению к интересам другой стороны [Авдеева, 2015].

Рассмотрение конфликтного этоса через призму мировоззрения, без отсылки деятельностному срезу, ограничивает его объяснительный потенциал. Подчеркнем, что этос – не столько система ценностей, принципов, идеалов, сколько индивидуальная / социальная практика, в которой находят отражение эти ценности, идеалы и принципы. Этос (если пользоваться терминологией указанных авторов) – это данное нам в ощущении (поведении) мировоззрение. В системе наших референций конфликтный этос культуры может быть определен как *укорененная в артефактах бинарная система антропологических практик, выступающих для субъектов данной и смежных культур в качестве реальных моделей поведения.*

Конфликтный этос является одним из основных инструментов конструирования идентично-

сти. В рамках культуры создаются условия для выбора лишь одной из двух моделей (с диаметральной мировоззренческой валентностью) и, соответственно, одной «идентичности». Выбор той или иной модели поведения / идентичности предполагает «семиотическую смерть» оставшейся. Под семиотической смертью предлагается понимать «обнуление» ценностного, мотивационного и, следовательно, деятельностного потенциала противоположной модели.

Логика конфликтного этоса. В основе рассматриваемой концепции лежит определённая логическая модель, тяготеющая к «формально-логическому» дискурсу. При этом логика Аристотеля – ее понятийная сторона – здесь не совсем «работает». Конфликтный этос ориентирован, скорее, на логику Демокрита – логику вещей, которые на самом деле – люди, персонажи, герои текстов культуры. Данное методологическое уточнение позволяет значительно усилить семиотический эффект текстов культуры, создавая предпосылки для формирования своеобразной «силлогистики знакования».

Конфликтный этос апеллирует к простым логическим «операциям». Дихотомическое деление, или «деление на два», вытекающее из отношения противоречия, предстает как первичное деление, за которым (при желании и необходимости) возникает и деление по видоизменению признака. Подобная логика интуитивно понятна и проста, ибо сопоставима со «здравым смыслом». Ее преимущество заключается еще и в том, что ситуация бинарности упрощает / ускоряет процедуру выбора, снимая необходимость просчитывания «промежуточных» вариантов.

Для конструирования конфликтного этоса необходима отчетливая персонификация. Она строится по весьма простому принципу «указания на предмет», за которым закрепляются строго определенные ценностные и поведенческие свойства. Данный предмет (а может быть и два предмета, противопоставляемых друг другу), являющийся овеществленной формой свойств и отношений, получает статус образца / антиобразца мышления, сознания и деятельности (поведения).

Значимую роль в онтологизации (имплементации) конфликтного этоса играет процедура аналогии, когда потребитель конкретного текста культуры – литературного произведения, игрового или кинематографического кейса – переносит «культурную модель» в прагматическую реальность. При этом аналогия касается не только существенных (сущностных) свойств и отношений, но и «несущественной этологии».

Конфликтный этос кинотекста. В целом в культуре конфликтный этос наиболее отчетливо проявляет себя в кинематографе. Последний сочетает в себе вербальное и невербальное, когнитивное и аффективное, коллективное и индивидуальное измерения текстов культуры, создавая при этом мультипликативный (эмерджентный) эффект. Этим, наверное, он и снискал себе «славу» оружия массового поражения (сознания).

Конкретный кинематографический кейс сам по себе есть этос. В хайдеггеровском смысле это «символическое место, в котором обитает человек» [Хайдеггер, 1993, с. 215]. От себя добавим – обитает временно, но более интенсивно и концентрированно в когнитивном и эмоциональном планах.

Конфликтный этос в кинематографическом пространстве разворачивается по-особому, образуя в контексте «физического» пространства-времени автономный хронотоп, где «проигрывается» участие зрителя в художественном бытии. Последнее предполагает учет ряда «вероятельных» стереотипов: убеждения в справедливости целей группы, ответственности за безопасность, позитивном коллективном представлении о себе, патриотизме, единстве, внутригрупповой виктимизации, делегитимации оппонента, экзистенциальности мира (как невоины) [Bar-Tal, Sharvit, Halperin, Zafran, 2012, p. 42–43].

«Деятельностная эффективность» конфликтного этоса в кинематографе определяется рядом когнитивно-семиотических обстоятельств.

Конфликтный этос всегда апеллирует к укорененным в сознании и мышлении образам прошлого. Последние должны быть семиотически легко «схватываемы», с интуитивно понятной поведенческой валентностью, позволяющей проводить водораздел между нормой и девиацией. Для этого они должны иметь отношение к распространенным поведенческим практикам, отвечать принятой системе бинарной идентичности, в основе которой лежит принцип противопоставления Свой / Чужой.

В контексте «теории познания» конфликтный этос не может быть воспринимаем сугубо когнитивно (с позиции знания). Он требует от того, кто воспринимает кинотекст, одновременно и аффективного ответа (ср. [Кобб, Элдер, 2009]). Подобный ответ связан с когнитивными процедурами виктимизации («определения» жертвы), героизации («определения» героя, спасителя) и энемификации («определения» врага). Конфликтный этос, в данном контексте, имеет прямой выход и на «патриотический ответ».

Конфликтный этос предполагает «деятель-

ностное» отвлечение поведенческих моделей от конкретного кинематографического кейса. Он выступает как своего рода образец, который, будучи повторен в разных вариациях в различных формах, переносится из дискурса кинореальности в дискурс повседневности (реальных антропологических практик).

В данной логике историчность киноэтоса отсылает нас к модели когнитивного восприятия, которая органично дополняется эмотивностью, ответственной за связку ментального (в первом случае) и соматического (во втором случае) действия. Так кинематографический текст формирует своеобразную ситуацию виртуальной инициации – процедуры принятия индивидом определённой идентичности [Павлов, 2010].

Таким образом, специфика конфликтного этоса в рамках кинематографа определяется его историчностью как обращением к образам прошлого, симультанностью как соединенностью когнитивного и аффективного моментов восприятия, проективностью как экстраполяцией конкретного кейса до уровня общей закономерности, воплощаемой в поведенческих практиках, и эмотивностью как единством ментального и соматического действия.

Конфликтный этос: «в кино и наяву». Конфликтный этос из кинематографических текстов «выплескивается» в культуру, поражая, прежде всего, ее коммуникативное изменение. Риторика черно-белого мира порождает соответствующую «культурную моторику» в соответствии с принципом семиотического детерминизма, когда знак перестает быть фактом, а становится – сигналом – побудителем к действию. Интересно, что в отсутствие новых кинокартин, репрезентирующих конфликтный этос, культура активно обращается к потенциалу советского прошлого, где он вплетен в ткань практически каждого кинофильма. Благо – субъекты конфликтной этологии остались неизменными. Примечательно, что конфликтный этос «идеологического» прошлого подтверждает свою эффективность в противопоставлении «либеральной» и «консервативной» моделей мировоззрения и мироустройства.

Актуализация конфликтного этоса (ибо он незримо всегда присутствует в недрах культуры) носит взаимный характер. Акцентуация на нем в рамках одной культуры неизбежно влечет за собой симметричный ответ от противопоставляемой культуры или культур, результатом чего оказывается «семиотическая мобилизация» ресурсов национальной семиосферы [Тимофеев, 2000]. Конфликтный этос имеет не только внешнее, но и внутренне измерение:

«выставление» внешних символических пограничников, дополняется созданием внутренних. При этом эффективные символические пограничники должны, во-первых, маркировать границу и быть узнаваемыми; во-вторых, «охранять» границу, делать ее «непреодолимой», легитимируя ее, придавая ей видимость законности, вечности, «естественности»; в-третьих, акцентировать различные черты двух сообществ и игнорировать сходные [Рябов, 2011, с. 117].

Применительно к культуре конфликтный этос выполняет ряд значимых функций, из которых обратим особое внимание на две – мобилизационную, охранительную (защитную). Оба эти момента так или иначе связаны с когнитивным дискурсом. Мобилизационная функция предполагает готовность действовать, соответственно воспринятым от культуры моделям по отграничению своих от чужих, реализовывать «нормальные», а не девиантные практики индивидуального и коллективного поведения. Охранительная функция подразумевает формирование мировоззренческих защитных механизмов в мышлении, способных противостоять семиотическому вторжению враждебных образов и метафор. «Функциональное совпадение» происходит в дискурсе безопасности – культурной [Белозор, 2019], или когнитивной [Смирнов, 2019].

Выводы. Конфликтный этос в контексте формирования нового мирового порядка может рассматриваться в качестве системообразующего свойства культуры. Он во многом определяет отношения внутри разноуровневых семиотических подсистем и «сам» отбирает элементы (образы, метафоры, фильмы, произведения, (анти)героев) системы культуры. Культура, таким образом, постепенно осуществляет поворот, или возврат к бинарной модели миропостроения, во многом напоминающей эпоху капиталистического и социалистического блокирования [«Враг номер один»..., 2023]. При этом не исключается возможность трансформации бинарной модели, например, в тернарную (по принципу «враг моего врага – мой друг»). Однако, как показывает история, социокультурная динамика чаще всего «выбирает» наиболее простой, соответствующий возрасту культуры, вариант. Конфликтный этос новой Холодной войны носит экзистенциальный характер [Bar-Tal, Sharvit, Halperin, Zafran, 2012, p. 41], ибо ориентирован на противостояние из-за ключевых в жизни вовлеченных обществ целей, которые воспринимаются как жизненно необходимые.

Список источников

- Авдеева И. А. Ценности в структуре конфликтного этоса (социально-политический аспект) // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2015. № 1. С. 50–62.
- Бахитановский В. И., Согомонов Ю. В. Этос // Этика. Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. Москва: Гардарики, 2001. С. 600.
- Белозор А. Ф. Культурная безопасность как основа культурной идентичности // Человек и культура. 2019. № 1. С. 80–86.
- «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / О. В. Рябов, С. И. Белов, О. С. Давыдова [и др.]. Москва: Аспект Пресс, 2023. 398 с.
- Кобб Р., Элдер Ч. Использование символов в политике // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 131–145.
- Павлов А. П. О природе и механизмах формирования этоса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 7 (112). С. 44–46.
- Павлов А. П. Этосы социальных миров // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 8. С. 17–22.
- Рябов О. В., Константинова М. А. «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2011. № 6. С. 114–123.
- Сабиров В. Ш. Изучение этоса как социокультурная и этико-правовая проблема эпохи информационных войн // Евразийский юридический журнал. 2016. № 6 (97). С. 232–234.
- Смирнов Д. Г. Культура когнитивной безопасности: семиодинамика образа в символической политике // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 4 (19). С. 73–82.
- Смирнов Д. Г. Этика ноосферной безопасности: к постановке проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 135–142.
- Тимофеев М. Ю. Россия. Незавершенный проект: Ключевые понятия, образы, символы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. 200 с.
- Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Москва: Республика, 1993. 448 с.
- Яркеев А. В. Этика между возможностью и невозможностью // Философская мысль. 2016. № 9. С. 101–108.
- Bar-Tal D., Sharvit K., Halperin E., Zafran A. Ethos of conflict: The concept and its measurement // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2012. Vol 18(1). P. 40–61.
- Taylor C. Modern Social Imaginaries. Durham & London: Duke University Press, 2004. 215 p.

References

- Avdeeva I. A. Values in the structure of the conflict ethos (socio-political aspect). *Aktual'nyye innovatsionnyye issledovaniya: nauka i praktika = Current innovative research: science and practice*. 2015. No. 1. Pp. 50–62. (In Russ.).
- Bakhtanovsky V. I., Sogomonov Yu. V. Ethos. In: Apresyan R. G., Guseinov A. A. (eds) *Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Gardariki, 2001. P. 600. (In Russ.).
- Belozor A. F. Cultural safety as the basis of cultural identity. *Chelovek i kul'tura = Man and culture*. 2019. No. 1. Pp. 80–86. (In Russ.).
- Ryabov O. V., Belov S. I., Davydova O. S., etc. “Enemy number one” in the symbolic politics of cinematography of the USSR and the USA during the Cold War. Moscow: Aspect Press, 2023. 398 p. (In Russ.).
- Cobb R., Elder Ch. The use of symbols in politics. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. 2009. No. 29. Pp. 131–145. (In Russ.).
- Pavlov A. P. On the nature and mechanisms of ethos formation. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Petrozavodsk State University*. 2010. No. 7 (112). Pp. 44–46. (In Russ.).
- Pavlov A. P. Ethos of social worlds. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Vyatka State University*. 2017. No. 8. Pp. 17–22. (In Russ.).
- Ryabov O. V., Konstantinova M. A. “Russian Bear” as a symbolic border guard. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2011. No. 6. Pp. 114–123. (In Russ.).

- Sabirov V. Sh. Study of ethos as a sociocultural and ethical-legal problem of the era of information wars. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian Legal Journal*. 2016. No. 6 (97). Pp. 232–234. (In Russ.).
- Smirnov D. G. Culture of cognitive security: semiodynamics of the image in symbolic politics. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*. 2019. No. 4 (19). Pp. 73–82. (In Russ.).
- Smirnov D. G. Ethics of noospheric security: towards the formulation of the problem. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*. 2021. No. 4. Pp. 135–142. (In Russ.).
- Timofeev M. Yu. Russia. Unfinished project: Key concepts, images, symbols. Ivanovo: Ivanovo State University, 2000, 200 p. (In Russ.).
- Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches. Moscow: Republic, 1993. 448 p. (In Russ.).
- Yarkeev A. V. Ethics between possibility and impossibility. *Filosofskaya mysl' = Philosophical thought*. 2016. No. 9. Pp. 101–108. (In Russ.).
- Bar-Tal D., Sharvit K., Halperin E., Zafran A. Ethos of conflict: The concept and its measurement // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol 18(1). Pp. 40–61. (In Eng).
- Taylor C. *Modern Social Imaginaries*. Durham & London: Duke University Press, 2004. 215 p. (In Eng).

Статья поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 07.05.2024.

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 07.05.2024.